

громадный материал обобщен и проанализирован исследовательницей. Ее работа является прекрасным пособием для знакомства с микенским миром, засвидетельствованным в текстах линейара В. Нельзя не упомянуть также великолепные, со вкусом подобранные иллюстрации, как бы составляющие особую главу о материальной культуре и искусстве

микенских греков. Нам остается в заключение лишь присоединиться к той высокой оценке работы Л. Стеллы, которую дал ей Дж. Чадвик²¹ и ряд других рецензентов.

В. П. Яценко

²¹ JHS, LXXXVI, 1966, стр. 214—215.

ФИНИКИЯНЕ В АМЕРИКЕ?

L. DELECAT, *Phönizier in Amerika. Die Echtheit der 1873 bekanntgewordenen kanaanäischen (altsidonischen) Inschrift aus Paraiiba in Brasilien nachgewiesen* («Bonner Biblische Beiträge», 32), Bonn, Peter Hanstein Verlag GmbH, 1969, 58 стр.

Вопрос о том, были ли возможны в древности (по крайней мере, в I тыс. до н. э.) и если да, претворялись ли в жизнь торговые и культурные связи между странами Средиземноморского бассейна и Америкой, представляет значительный интерес. Если бы на него был дан положительный ответ, пришлось бы не только существенно изменить наши представления о масштабах и характере древнего судоходства, увидеть тот его размах, который ускользал от взора самих древних наблюдателей, но и решить (так, по крайней мере, считают сторонники его положительного решения, многие загадки древнеамериканской цивилизации.

Совсем недавно мы были свидетелями того, как Тур Хейердал пытался экспериментально доказать возможность таких контактов — вместе с группой сотрудников пересек на папирусной лодке Атлантический океан. Он утверждает, что, согласно его расчетам, это плавание подтвердило возможность подобной экспедиции в древности. Отдавая должное мужеству отважного мореплавателя и его сотрудников, в его выводах позволительно усомниться. Ошибочным кажется даже выбор судна. Древние, и в частности египтяне, уже в глубокой древности знали прочные корабли, специально предназначавшиеся для дальних плаваний («таршишские», как они именуются в Библии): вероятнее всего, именно такими судами, а не папирусными лодками, несмотря на всю их сравнительную прочность и надежность, воспользовались бы моряки, отправляясь в полную опасностей неизвестность, если бы такое путешествие действительно состоялось. Но даже при полном и бесспорном успехе эксперимента Тура Хейердала, который сумел продемонстрировать техническую возможность переплыть на «бумажном корабле» Атлантический океан, это еще не означает, что она претворялась в действительность. Пока не будут найдены бесспорные свидетельства торговых и культурных связей между странами Восточного полушария и Америкой (археологический материал, надписи, данные нарративной традиции), пока не будет показано, что речь идет не о людях, заброшенных в Америку какой-то катастрофой и без вести пропавших для своей родины, а о систематических контактах, до тех пор историк будет вправе говорить о том, что блестящие и увлекательные гипотезы, как бы блестящи и увлекательны они ни были, пока не подтверждаются. Non liquet — таков единственно возможный приговор.

Именно поэтому снова привлекла к себе внимание так называемая «надпись из Параибы», анализу которой посвящена рецензируемая монография Л. Делеката. Как известно, она была «открыта» в 1873 г. в Параибе (ныне Жоао Пессоа в Бразилии) на усадьбе некоего Пессоа, а затем «предварительно» опубликована в 1874 г. директором Национального музея в Рио де Жанейро Л. Нетто. Публиковалась, кстати сказать, только копия, «рисованная» будто бы с оригинала; ни эстампажей, ни фотографии надписи, ни тем более самого камня никто никогда не видел. По этой причине, если К. Шлоттман еще колебался в вопросе о подлинности «надписи»¹, то М. Лидзбарский, обнаружив в тексте ряд явных ошибок и несоответствий тому, что было известно о финикийском языке к моменту открытия «надписи», пришел к выводу, что она фальсифицирована². С тех пор приговор одного из основателей современной северосемитской эпиграфики не пересматривался.

¹ K. Schlottmann, Die sogenannte Inschrift von Parahyba, ZDMG, 28, 1874, стр. 481—487.

² M. Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, I, Weimar, 1898, стр. 32.

В 1968 г. к надписи из Параибы обратился известный американский семитолог С. Х. Гордон, внесший, как известно, огромный вклад в развитие современного угаритоведения. Свой анализ он основывает на копии «надписи», которая ранее была утрачена, сделанной рукой самого Л. Нетто и найденной в 1967 г. профессором Массачусетского университета Ж. Пиккусом; С. Х. Гордон приходит к выводу, что «надпись» — подлинная³. Л. Делекат принял точку зрения С. Х. Гордона и с некоторыми поправками и уточнениями его интерпретацию надписи; на этой основе Л. Делекат пытается определить, что собою представляла экспедиция финикийян, о которой идет речь в «надписи», и интерпретировать текст исторически. Очевидно, решение вопроса о том, насколько построения Л. Делеката соответствуют действительности, зависит от ответа на другой вопрос: доказана ли подлинность надписи из Параибы. К нему мы и переходим.

С. Х. Гордон публикует следующий текст надписи: $\text{nhn}^{\prime} \text{bn kn}^{\prime} \text{n msdn mhqrt hmlk shr hšlk } \text{ʔn}^{\prime} \text{ ʔl } \text{ʔy z rhqt } \text{ʔrs hrn wnšt bhr } \text{ʔlywnm } \text{ʔw}^{\prime} \text{lywnt bšnt tš}^{\prime} \text{t w}^{\prime} \text{šrt } \text{ʔhrm mlkn}^{\prime} \text{ } \text{ʔbr } \text{ʔwnhlk m}^{\prime} \text{šwn gbr bym sp wnns}^{\prime} \text{ } \text{ʔm } \text{ʔnyt } \text{ʔšrt } \text{ʔwnhyh bym } \text{y}^{\prime} \text{hdw štm šnm sbb } \text{Prs } \text{ʔhm wnbdl } \text{ʔmyd } \text{b}^{\prime} \text{ʔl } \text{w}^{\prime} \text{ʔl } \text{nh } \text{ʔt } \text{hbrn}^{\prime} \text{ } \text{wnb}^{\prime} \text{ } \text{hlm } \text{šnm } \text{ʔsr } \text{ʔmtm wšlšt nšm } \text{b}^{\prime} \text{y } \text{hdt } \text{ʔ} \text{ʔnky mt } \text{ʔšrt } \text{ʔbrh } \text{blt } \text{y}^{\prime} \text{ } \text{ʔlywnm } \text{ʔw}^{\prime} \text{lywnt } \text{y}^{\prime} \text{hnm}^{\prime}$

Перевод С. Х. Гордона: «We are Sons of Canaan from Sidon, the city of the king. Commerce has cast us on this distant shore, a land of mountains. We set (= sacrificed) a youth for the exalted gods and goddesses in the nineteenth year of Hiram, our mighty king. We embarked from Ezion-Geber into the Red Sea and voyaged with ten ships. We were at sea together for two years around the land belonging to Ham (= Africa) but were separated by a storm (lit., „from the hand of Baal“) and we were no longer with our companions. So we have come here, twelve men and three women, on a... shore which I, The Admiral, control. But auspiciously may the exalted gods and goddesses favor us».

В подтверждение своего тезиса С. Х. Гордон указывает, что: 1) почерк текста сидонский, близкий к знаменитой надписи Эшмуназара (V в. до н. э.), 2) некоторые языковые явления, казавшиеся ранее невозможными, теперь, по его мнению, подтверждаются. К их числу относятся следующие: сопряженное состояние с артиклем при *nomens regens* (hqrt hmlk «город царя»; ср. в надписи из Каратене KAI, 26: hbrk bʔl «благословенный Ваалом»), окончание -t в обеих частях составного числительного tšʔt wʔšrt «девятнадцать» (ср. угарит. arbʔt ʔšrt «четырнадцать», h̄mšt ʔšrt «пятнадцать» и т. д.); написание ʔr «десять» через *samex*; слово mt в значении «человек». Слово ʔbrh связано с корнем brh, которому С. Х. Гордон придает значение «контролировать, царствовать, владеть». Известную формулу в надписи Ахирама wnh̄t tbrh ʔl gbl (по переводу И. Н. Винникова: «и мир покинет Библ»⁴) он предлагает интерпретировать: «but may peace reign over Byblos». Слово blt, вводящее новое предложение, известно только по надписи Табита (KAI, 13), открытой лишь в 1887 г., а слово yʔ в значении «добрый, хороший» — только по одному тексту, найденному в 1874 г., т. е. оба эти слова не могли быть известны фальсификатору. «Отрицать аутентичность текста из Параибы — значит приписывать фальсификатору пророческое вдохновение», — замечает С. Х. Гордон.

Собственный вклад Л. Делеката в интерпретацию «надписи» сводится к следующему. В 1 стк. вместо msdn mhqrt hmlk он читает msdnm hqrt hmlk, во 2 стк. вместо wnšt bhr (два слова) — wnštbrh (одно слово), в 5 стк. вместо wnbdl — wbdl. Знаки wʔ ʔnh̄ (так у С. Х. Гордона) он читает как одно слово wʔnh̄, а вместо ʔt hbrnʔ — ʔthbrnʔ (так же как одно слово), в 7 стк. вместо hdt — hrt, вместо ʔnky—ʔn ky. В конце 7 — начале 8 строк он читает br hb ltyʔ.

Его перевод: «Wir sind Söhne Kanaans aus der Stadt Sidon. Das Königtum ist ein handeltreibendes. Wir sind an diese ferne Küste, ein bergiges Land, verschlagen worden und wollen (haben) uns von dem Höchsten und der Höchsten prüfen (annehmen) lassen. Im Jahre 19 unseres Königs Hiram. Wirklich! Damals haben wir den Weg von Eziongeber aus durch Rote Meer, dann brachen wir mit zehn Schiffen schon auf und sind nun auf See zusammen (schon volle) zwei Jahre — die wir doch die Erde, Heisses und von den Händen Baals Getrenntes, umfahren und uns für wohin auch immer verbündet haben! — und sind so hierher gekommen, zwölf Männer und drei Frauen: weil an einer (der) anderen Küste, die irgendwo ist, zehn gestorben sind. Wirklich! Sie haben sich an Ty versündigt. Mögen uns der Höchste und die Höchste gnädig sein!».

Как видим, Л. Делекат предлагает интерпретацию текста, в ряде пунктов отличающуюся от понимания С. Х. Гордона. В своем филологическом комментарии он следующим образом объясняет некоторые особенности реконструируемого текста. Форму nh̄nʔ «мы» он сопоставляет с арамейским ʔnh̄nʔ и полагает, что сидонское окончание -ʔ могло быть консонантным. Форму šdnm он связывает с легендой на эллинистических монетах, где город Сидон обозначается этим словом. Вполне обоснованно прибегая

³ С. Н. Gordon, The authenticity of the Phoenician Text from Parahyba, Or, 37, 1968, стр. 75—80.

⁴ И. Н. Винников, Надпись Ахирама Библского в новом освещении, ВДИ, 1952, № 4, стр. 142.

к сопоставлению šdnm — $\Sigma\delta\omega\nu\lambda\omega\nu$, он забывает, однако, что поздняя легенда šdnm явно подражает по смыслу греческому $\Sigma\delta\omega\nu\lambda\omega\nu$ (т. е. $\eta\ \tau\omega\nu\ \Sigma\delta\omega\nu\lambda\omega\nu\ \pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$). Название города, как он сам отметит несколькими строками ниже, в доэллинистических текстах встречается только в форме šdn . Мимация в ʿlywnm он объясняет как языковой аравизм мимации в единственном числе, характерной для раннего периода истории языка. Выражение hmlk šhr он читает, учитывая арамейское влияние: hamlakū šahr , а слово ʿy воспринимает как существительное женского рода с поразительным согласованием: ʿy z rḥqt . В глаголе nšbḥr он видит породу *штбаф*⁵ от bḥr «испытывать, избирать» с пассивным, рефлексивным либо толеративным значением от каузатива. Формулу tšʿt wšrt он объясняет исходя из угаритского языка. Слово hḥ — гебраизм; Л. Делекат сам подчеркивает, что в финикийском языке употреблялся другой глагол со значением «быть» — kwn . Говоря о ʿt ḥbrnʿ , автор отмечает, что в еврейском, моавитском и финикийском языках преформатив имеет форму ht- (ср., однако, в новопунийском — KAI , 138) и лишь в арамейском засвидетельствована форма ʿt- . Форму hrt вместо ʿhrt он объясняет отпадением начального ʿ ; ky вместо обычного для финикийских текстов k , по его мнению, *scriptio plene*.

Публикация американского семитолога вызвала критическое отношение специалистов, и, так как С. Х. Гордон считал необходимым ответить своим основным оппонентам, непродолжительную дискуссию. Спор оказался непродолжительным потому, что после выступлений И. Фридриха⁵ и Ф. М. Кросса⁶ никто из специалистов, насколько нам известно, уже далее не поддерживал С. Х. Гордона в истолковании «надписи» из Парайбы. И в самом деле: названные крупнейшие в настоящее время специалисты в области северо-семитской эпиграфики, тщательно проанализировав текст, предложенный Гордоном, исчерпывающе разрешили все связанные с ним проблемы.

И. Фридрих отмечает прежде всего, что составители древних финикийских надписей придерживались строго «дефектного» письма, тогда как в тексте Гордона встречаются случаи *scriptio plene* (ʿšwn gbr , ʿlywnm wʿlywnt), напоминающие правописание Ветхого Завета. Форма pḥy «и мы были» — еврейская; в финикийской среде она характерна только для позднепунийского периода, как и -ʿ в конце слова pḥnʿ «мы» и суффикс -nʿ в словах hšlknʿ , mlknʿ , hbrnʿ , yḥnnʿ . Форма ʿlywnmw ʿlywnt восходит к ошибочному истолкованию Гезениусом слов alonim valonuth в известном монологе из Ренулюс Плавта (вместо правильного ʿlnm wʿ lnt) и тем самым свидетельствует о неподлинности «надписи». Слово pḥnʿ имеет прямую аналогию только в эфиопском peḥnā ; встречается редкое еврейское pḥnū (ср. также арабское ḥaḥnu), однако здесь точного соответствия нет. В тексте встречается форма xyfʿil , как в еврейском и моавитском (hšlknʿ), однако в финикийском языке «в исторический период» встречается форма yifʿil . Форма nhlk может быть сопоставлена только с моавитским ʿnlk . Глагол «быть» в еврейском языке hāyā , тогда как в финикийском всегда kn ; поэтому сочетание wnḥy — гебраизм. Хотя мы и не можем согласиться с И. Фридрихом, когда он утверждает, что в финикийском языке вообще отсутствуют сочетания имперфекта с wāw consecutivum ⁷, основной его вывод кажется бесспорным: «язык надписи из Парайбы широко совпадает с еврейским, но не с финикийским». Он отвергает мысль С. Х. Гордона о смешении языков в Эционгебере, которое будто бы нашло свое отражение в документе из Парайбы: речь идет, по его мнению, о «довольно чистой еврейской языковой форме». Исходя из этого, И. Фридрих полагает, что текст был составлен знатоком еврейского языка, знавшим палеографию надписи Эшмуназара, имевшим некоторое представление о родстве еврейского языка с финикийским, знакомым в лучшем случае с изданной в 1837 г. книгой В. Гезениуса «*Scripturae linguaeque Phoeniciae monumenta*» и, может быть, с надписью Мешы, открытой в 1868 г.

В своем ответе И. Фридриху С. Х. Гордон⁸ пытается обойти трудности, указанные его оппонентом, введением «более точного», как он пишет, термина «ханаанейский». «Моряки в этом тексте могли быть, — по словам Гордона, — более „евреями“, чем „финикийцами“ внутри ханаанейской языковой группы, однако они были ваалистами, практиковавшими человеческие жертвоприношения и не были „иудеями“ в том смысле, как этот термин понимается». Обоснованно отмечая наличие финикизмов в библейских текстах и повторяя еще раз данные, почерпнутые из угаритского языка, привлекая для объяснения слов ʿlywnt wʿlywnt библейское еврейское ʿlywnt «верхние», т. е. небесные существа, С. Х. Гордон волей-неволей подтверждает, что составитель надписи исходил не из норм финикийского языка, а преимущественно из норм еврейского. Предполагаемый угаритизм настолько не соответствует общему строю текста и всему тому, что известно о финикийском и еврейском языках (кстати, здесь у С. Х. Гор-

⁵ J. F r i e d r i c h, Die Unechtheit der phönizieschen Inschrift aus Parahyba, Or, 37, 1968, 4, стр. 421—424.

⁶ F. M. C r o s s, The Phoenician Inscription from Brazil, a Nineteenth Century Forgery, Or, 37, 1968, 4, стр. 437—460.

⁷ Ср. И. Ш. Ш и ф м а н, Финикийский язык, М., 1963, стр. 53—54.

⁸ С. Н. G o r d o n, The Canaanite Text from Brazil, Or, 37, 1968, 4, стр. 423—436.

дона и внутреннее противоречие: угаритизм указывал бы не на южную, а на северную группу ханаанейских языков), что соответствующие формы приходится признать просто ошибкой составителя текста. Возникает все же вопрос: как могло возникнуть такое языковое несоответствие? Кто собственно составлял надпись: сидонский писец и резчик на своем родном языке (да еще, как полагает Гордон, по приказанию «адмирала» начальника экспедиции) или выходец из Эционгебера? Если допустить первую возможность, чем объяснить гебраизмы? Если принять вторую, как понять палеографическое сходство «надписи» из Парайбы с надписью Эшмуназара

Итак, по мнению С. Х. Гордона, язык «надписи» из Парайбы в общем еврейский и введение термина «ханаанейский» не изменяет положения. Доводы Фридриха остались неопровергнутыми.

Ф. М. Кросс в своей статье, посвященной публикации С. Х. Гордона, подробно останавливается на истории изучения «надписи», анализирует ее текст и палеографию. Интересно сравнить его перевод с переводом Гордона; в ряде случаев Кросс дает свое понимание текста. Выражение *shr hšlkn' l' y z rḥqt* он переводит: «A storm cast us on this distant shore» (у Гордона: *commerce has cast us on this distant shore*). В двух последних строках Кросс восстанавливает: *hḏ(š)t, mt'š<t>rt, <nḥl?> ty', 'dr, ḥbl* и переводит все словосочетание: «on the new shore of which I Mat'ašart, the captain, have taken possession».

Говоря о слове *nḥn'* и употреблении *'* в качестве *mater lectionis*, Ф. М. Кросс замечает прежде всего, что надписи из Телль Хелейфе (Эционгебера) содержат эдомитские, арамейские и финикийские тексты, однако не дают примеров смешения орфографии, языка или языковых элементов. Человек, составлявший текст, пытался писать по-финикийски, исходя из того, что, как предполагалось к середине XIX в.,² представлял собою местоименный суффикс 3 лица ед. числа (мужского и женского рода), а также указывал на глагольное окончание множественного числа-*ū* и вообще использовался для обозначения *-ū* или *-ō* в конце слова. Составитель, однако, не знал, что эта особенность орфографии; развилась в конце пунийского и в особенности в новопунийский период. Обращаясь к выражению *mḥqt hmlk*, Ф. М. Кросс подчеркивает: большинство аналогичных примеров — результат порчи текста. Отступление от правила, согласно которому помет *regens* в сопряженном состоянии не мог иметь артикля, он считает возможным, например, при использовании пассивного причастия, когда оно определяет предшествующее и одновременно находится в сопряженном состоянии с последующим словом (например, *'zṭvd hbrk b'ī* — выражение, цитированное С. Х. Гордоном). Как и И. Фридрих, Ф. М. Кросс отмечает отсутствие породы *ḫif'ily* в финикийском языке, хотя в работах, которыми пользовался Л. Нетто, она приводится. Предлог *'l* не встречается в финикийских текстах и может рассматриваться как гебраизм. *Wāw consecutivum* с имперфектом, по мнению Кросса, которое в данном случае не кажется обоснованным, после X в. до н. э. в финикийских текстах не встречается. Однако эта частность не меняет сути дела. Выражение *'lywnm w'lywnt* восходит к *aloniḥ valonḥ* Плавта, которое было ошибочно этимологизировано на основе еврейского *'lywn* и *'Eloḥb* Санхунйатона. Эта этимология была отвергнута уже после анализа слова *'lḥm* в надписи Эшмуназара, на что составитель надписи не обратил внимания. Кросс особо останавливается на использовании *w* в качестве *mater lectionis* вместо *ō* на еврейский манер, что совершенно отсутствует в финикийском. В этом Кросс видит явное доказательство подделки. *Snt* — по-финикийски множественное число; единственное — *št* «год». Форма *tš't w'šrt* не обычна, по-финикийски следовало бы *'šr wtš'*; выражение, употребленное в «надписи», по-видимому, придумано составителем *ad hoc*. Он исходил, надо полагать, из позднепунийского согласования *'šr* с именами мужского рода. Отсюда логично было думать, что *'šrt* должно согласовываться с женским родом. *Nḥyh* — гебраизм с типично еврейской орфографией. Обозначение Африки словами *'rš lḥm* «страна Хама» (или «страна жары») подозрительно; Хам как эпоним африканцев и ханаанеев встречается только в еврейской традиции. Слово *mt* в значении «мужчина» предполагалось в финикиеведческих работах первой половины XIX в. на основе ошибочных чтений или анализов. Наконец, *'nku* — типичная неопунийская орфография. Анализ языка «надписи» привел Ф. М. Кросса к выводу, что он представляет собой смесь классического финикийского и неопунийского, библеизмов и еврейских иных форм, не встречающихся в финикийском языке. Имеются здесь и подражания поздней и неопунийским образцам. Некоторые ошибки в тексте воспроизводят ошибочные этимологии и чтения ученых XIX в. Текст не представляет ни одного периода финикийской или еврейской орфографии. Изучение палеографии «надписи» из Парайбы показывает смешение форм, относящихся к различным периодам — от IX до IV в. до н. э. Все эти данные привели Кросса к заключению о поддельности «надписи».

В своем ответе Кросс С. Х. Гордон по существу не опроверг ничего, ограничившись случайными замечаниями и общими рассуждениями.

Аргументация И. Фридриха и Ф. М. Кросса кажется нам достаточной для того, чтобы признать так называемую «надпись» из Парайбы поздней фальсификацией. Интерпретация, которую предложил Л. Делекат, не только не устраняет этого вывода, но только не снимает имеющиеся затруднения, но добавляет к ним новые. Достаточно

сказать, что предполагаемая им конструкция *mšdnm hqrt* в значении «aus der Stadt Sidon» синтаксически невозможна, как и *hmkl šhr* с переводом «Das Königtum ist ein handeltreibendes». Порода *uštāf*⁶² в финикийских текстах не засвидетельствована. Слово *ʾbr* в значении «wirklich» Л. Делекат возводит к иудейско-арамейскому *ʾibrā*; таким образом, и здесь мы оказываемся вне финикийской языковой сферы. Для читателя остается загадкой конструкция *ʾrš lhm wbdl myd bʿl*, которую Л. Делекат переводит «die Erde, Heisses und von den Händen Baals Getrenntes»; при этом он считает *hm* и *bdl myd bʿl* географическими обозначениями «жаркой» и «холодной» страны, думая, что в «надписи» речь идет о плавании через Красное море к сибирским берегам Азии и далее, минуя Аляску, вокруг Америки к Параибе (!). «Отделенными руками Ваала» путешественники называют, по мнению Л. Делеката, области, прилегающие к северному и южному полюсам. Мы оставляем в стороне вопрос о том, указан ли здесь истинный маршрут, или же путешественники хотели обмануть жителей Параибы, — вопрос, всерьез занимающий Л. Делеката. Прежде чем пускаться в подобные рассуждения, следовало бы объяснить структуру фразы и согласование отдельных ее членов... И после этого Л. Делекат пишет, что надпись из Параибы составлена на языке, который «во времена царя Хирама сидонского и экспедиции из Эционгебера был в Сидоне языком письменности в тех пределах, в каких составители им владели». Но ведь языком письменности Сидона был финикийский! Поэтому Л. Делекат прибегает к своеобразному приему: язык «надписи» он считает древнесидонским, близким к еврейскому, но с некоторыми специфическими чертами. Это был язык (по его мнению), еще живший в сидонских колониях на западном побережье Африки или Испании даже в V в. до н. э. Заметим, однако, что сидонской колонизации эти районы, насколько нам известно, не подвергались.

С нашей точки зрения, все эти конструкции лишены какого бы то ни было основания. «Язык сидонской письменности», древнесидонский и т. д. даже в изображении Л. Делеката предстает как беспорядочная смесь еврейских, арамейских, угаритских, финикийских языковых явлений, что само по себе делает его существование маловероятным. Все пока известные семитские надписи из финикийских городов Западного Средиземноморья — финикийские по своему языку. Никакой языковой смеси здесь пока не наблюдается. Тем более обращает на себя внимание филологическая несостоятельность ряда интерпретаций автора.

Итак, ни С. Х. Гордон, ни Л. Делекат не доказали подлинности «надписи» из Параибы, поэтому нет никакой необходимости специально рассматривать «исторические» выводы Л. Делеката.

И. Ш. Шифман

HERACLITUS. Greek Text with a Short Commentary, by M. Marcovich, Editio Maior, The Los Andes University Press, Mérida, Venezuela, 1967, XXXII+665 стр., 1 табл.

В наше время ломки традиций и устоев, социальных и научных потрясений и революций все больше и больше людей пытается овладеть орудием мышления, имя которому — диалектика. И многие убеждаются, что этого можно достичь, лишь поняв, как возникли привычные для нас понятия и представления, логические стереотипы и аксиомы, лишь изучив «историю мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий», как писал В. И. Ленин¹. И, естественно, они обращаются в первую очередь к истокам современного мышления — древним философиям Греции, Индии, Китая. Этим объясняется чрезвычайно возросшая тяга к досократовским учениям и особенно к учению Гераклита как среди профессиональных философов и филологов, так и среди широких слоев

неспециалистов. В этом причина чрезвычайной злободневности исследований по истории ранней греческой философии и ожесточенности дискуссий, возникающих вокруг нее. И именно в этом контексте и следует рассматривать рецензируемую книгу филолога Мирослава Марковича, иначе нам не понять той огромной роли, которую она призвана сыграть в возрождении наследия Гераклита — наиболее яркого представителя зарождающейся философской мысли, первооткрывателя диалектической логики.

Особое место Гераклита в истории философии и его особое значение для нас, людей XX века, не требует пояснений. Гераклит — первый греческий философ, от которого до нас дошло довольно значительное количество текстов. Гераклит — первый сознательный диалектик, к тому же один из самых последовательных. Вот почему для нас так ценна каждая крупинка информации о нем и об его уче-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 159.

нии. Вот почему мы испытываем такую досаду, когда убеждаемся, что основным препятствием, затрудняющим понимание его системы, его логики, его мышления, является не только и не столько недостаток текстов и сведений, сколько наша неспособность прочесть многие из дошедших до нас отрывков его сочинения (именно прочесть, а не просто истолковать). Чтобы понять мысль, необходимо знать слова, в которые она облечена, но именно над принятием того или иного слова в качестве «правильного чтения» и ломают больше всего копья гераклитоведы.

От книги Гераклита, как известно, остались лишь фрагменты плюс так называемый «доксографический» материал — более поздние изложения «мнений» философа по тому или иному вопросу. Как фрагменты, так и доксография сохранились в средневековых рукописях, в основном византийских (а также латинских, арабских, армянских...). Понятно, что за 1000—1500 лет, отделяющих наши непосредственные источники от оригиналов, то, что осталось от последних, претерпело множество изменений и искажений, которые необходимо устранить, чтобы вернуть текстам их первоначальный вид. Иными словами, первой и до сих пор самой важной задачей гераклитоведения является установление текста, критическое издание фрагментов. И в таких изданиях недостатка не было. С начала прошлого века филологи занимаются этим тяжким и неблагодарным делом: сборником и критическим изданием свидетельств и отрывков. Но, увы, приходится констатировать, что достигнутые результаты ничтожны в сравнении с потраченным трудом. Нет практически ни одного сомнительного места, в чтении которого было бы достигнуто единодушие. Чем это объясняется? Во-первых, конечно, объективной трудностью исправления многих текстов: слишком часто приходится «гадать». Но, во-вторых, еще и тем, что в области истории философии, более чем где-либо, сказывается субъективность подхода каждого исследователя, пагубное влияние его мнений, его собственных философских установок и предвзятостей, которые часто берут верх над стремлением к объективности, причем большей частью без того, чтобы он себе в том отдавал отчет. И из этого следует, что добросовестный историк древней философии обязан не только знать греческий язык и изучать первоисточники в оригинале (уже давно доказано, что нельзя понять какую бы то ни было древнюю философию, абстрагируясь от того, что можно было бы назвать логико-грамматическим и идеолого-семантическим субстратом языка, на котором она создавалась, т. е. от того самого, что бесследно пропадает в любом, даже

наиболее тщательном переводе²), но и взять на себя труд проверить и уточнить те чтения этих первоисточников, которые он найдет в существующих изданиях, памятуя, что он имеет дело не с «сырым» материалом, донесенным нам традицией, а с материалом, обработанным и унифицированным издателем более или менее по образу и подобию своего собственного понимания Гераклита.

Именно в осуществлении этой работы «по очищению авгиевых конюшен филологии, забывающей свои законы и правила, как только она приступает к Гераклиту» (А. Ф. Лосев)³, книга М. Марковича окажется незаменимым пособием. Как ясно из ее названия, это очередное издание наследия Эфесца. Как таковому ему присущи все перечисленные выше недостатки, и историк философии, пользующийся им, должен будет соблюдать те же предосторожности, что и по отношению ко всем другим изданиям. Но издание, осуществленное Марковичем, обладает одним достоинством, которое трудно переоценить и которое выгодно отличает его от всех предшествующих, — это наиболее полное из когда-либо издававшихся собраний текстов, относящихся к Гераклиту. Если раньше, чтобы иметь в своем распоряжении все древние источники о Гераклите и о его учении, все контексты, в которых этими источниками цитируются фрагменты философа, чтобы знать все разночтения, встречающиеся в рукописях этих источников, плюс еще все исправления и изменения в текстах, предлагавшиеся исследователями, с тех пор как наследие Эфесца стало объектом изучения, историку, желающему составить себе собственное мнение по всем спорным вопросам гераклитоведения, нужно было «поднять» огромное количество изданий, книг, журнальных статей, диссертаций и т. д., многие из которых стали большой редкостью (не говоря уже о неполноте библиотечных фондов), то теперь, после выхода книги Марковича,

² Речь поэтому идет не о «языковом» барьере, существующем и между современными языками, а о барьере «историко-идеологическом»: древний язык отличается от любого современного еще и тем, что имеет в своей основе представления, в корне отличающиеся от наших: «... Стоит нам выйти за пределы названий таких вещей, как столы и деревья, и простых действий вроде бежать или есть, как оказывается, что ни одно греческое слово не имеет точного эквивалента в английском, ни одно важное абстрактное понятие не имеет того же объема» (F. W. Copleford, *From Religion to Philosophy*, 2 изд., N. Y., 1957, стр. 45).

³ А. Ф. Лосев, *История античной эстетики (ранняя классика)*, М., 1963, стр. 356.